

Лев
Кожевников

из народных поверий и суеверий славян

Леший

ЭТОГО нечистого духа в разных местах называли по-разному: лешак, лесовик, лесник, лисун, полевик, лесной хозяин.

Живут лешие в лесных чащобах, но встретить его можно где угодно – в поле, на дороге, у реки, даже в деревне, когда они туда заходят. Считалось, что в каждом лесу есть свой леший, а в большом лесу их может быть два и три. Нередко при дележе лесных дач они устраивают между собой свирепые потасовки, вырывают и ломают деревья, бросают один в другого с гор большие камни, поднимают целую бурю.

В том, что леший – лесной дух, хозяин леса, учёные не сомневаются. Но одни считают, что леший – это порождение культа растительности среди древних охотников. Другие видят его покровителем зверей и птиц, всякой лесной твари. Третьи уверены в небесном происхождении лешего как демона грозовых туч, живущего в лесу. В отличие от учёных, крестьяне, например, Владимирской губернии верили, что эта нежить произошла от связи женщин с нечистой силой, а от человека отличается тем, что не имеет тени.

Вид у лешего может быть самый разный. У него есть рога, козлиные ноги, недаром он нечистый, как чёрт. Он меняет рост в зависимости от того,

идёт ли он по лесу – тогда он вровень с самыми большими деревьями, или по лугу – тогда он вровень с травой. Согласно народным поверьям, леший может обернуться зверем, конём, птицей, человеком, даже деревом или грибом. Срежешь такой гриб, а он вдруг захохочет, заушает и – прыг из корзины.

А то видели лешего сидящим на дереве. Старый-старый, как столетний дед. Непонятно, как влез туда. Борода длинная, полощется по ветру, а сам весь голый, только руки мохнатые, как у медведя лапы.

Рассказывают, как один мужик ехал в телеге лесом. Вдруг видит: впереди на обочине старичок стоит, маленький, дряхлый, в чём душа держится. Просит, чтобы мужик подвёз его до деревни. Ну, тот согласился, даже в телегу подсобил сесть. За вожжи взялся, а лошадь – ни с места. Он её кнутом и раз, и два огрел – а она никак с места стронуться не может, будто на неё два воза камней нагрузили. Махал мужик, махал кнутом, даже вспотел. «Что такое, Господи?!» Едва он сказал это, как лошадь рванула, дуга – пополам, и старичка как не бывало. Только вслед заушало, захохотало. Гул по лесу пошёл.

Или ещё случай, на этот раз с бабой:

«...Была я тут раз в поле. Уж не помню, чего делала. Вдруг передо мной мужик появился, как из-под земли вырос. Мужик такой огромный, что представить себе невозможно! В руке палка сукастая, одет в белую рубаху и подпоясан красным кушаком. Ну такого верзилу я ещё не видела. Поклонился он мне, а я ему не ответила. Он только плюнул мне под ноги и ушёл – как и не было. А на том месте, где он плюнул, яма огромная образовалась. Я теперь эту яму далеко обхожу».

Известно, что белки, песцы, полевые мыши раз в два-три года большими стадами переселяются с одного места на другое. Иногда за сотни вёрст. Крестьяне, увидев ходовую белку, говорили: это вологодский леший проиграл

своих белок в карты вятскому, вот и гонит их к новому хозяину.

Если кому доведётся встретить в лесу лешего, то крестьяне верили, чтобы избавиться, надо обругать его по-матерному или помянуть имя Господне. Лешего можно напугать, если выстрелить в него медной пуговицей. Или рассмешить хорошенько, тогда он тоже отстанет. Иначе добра не жди, уведёт с дороги куда-нибудь в болото – всю ночь проплутаешься.

Лешие нередко имеют жён и детей (лешачихи и лешачата, лешачонки). Лешачих народное воображение наделяло такими огромными и длинными грудями, что они вынуждены закидывать их за плечи, чтобы не мешали ходить и бегать.

Христианская церковь жестоко истребляла в народной памяти языческую веру в светлых, добрых богов-покровителей, однако всю нечистую силу до последнего упыря, несмотря на языческое происхождение, церковь (волей ли неволей) приняла в своё лоно и со временем в языческие образы нечистых привнесла христианские черты и суеверия.

Водяной

Он же водовик, водяник, дедушка-водяной – покровитель водной стихии, хозяин рек и озёр, рыбных запасов.

Издrevле люди селились у воды и относились к рекам, озёрам, горным потокам как к живым существам, способным понимать человеческую речь. Примеры такого олицетворения мы находим и поныне: Волга-матушка, Днепр-батюшка, даже по отчеству Днепр Словутич. Но со временем водная стихия и её олицетворения начали отделяться друг от друга. Так появился у народа-язычника весьма колоритный образ Водяного. Вернее, многочисленные водяные, которые водятся в каждом омуте, в котловине, в водовороте,

живут в прудах, в колодцах, в озёрах, даже в болотах, тогда их называют «болотняник» или «болотник».

Позднее в связи с христианизацией народные взгляды на происхождение водяных сильно переменялись. По одним поверьям, водяные, как и лешие, это дети чёрта, по другим – «заложные» покойники, то есть люди, умершие неестественной смертью. По третьим – дети, проклятые своими родителями, или некрещёные. По четвёртым – просто нечистая сила, нежить, духи.

Вид они могут иметь самый разный. Вот несколько самых распространённых описаний:

«Водяной – это нагой старик, весь в тине, похожий обычаями и ухватками на лешего, хотя с лешим нередко враждует, но он не оброс шерстью».

«Видом своим водяной подобен лешему, только шерсть на нём очень лохматая и белого цвета, но леший хозяйничает в лесу, а водяной – в воде».

В некоторых местах портрет водяного уточнялся деталями: вместо рук у него лапы, наподобие гусиных. Есть хвост, рога, большой живот, физиономия одутловатая, как у горького пьяницы и картёжника. Водяные любят собираться в шинках, в трактирах, устраивают попойки, играют в кости или в карты. Если он появится в деревне, узнать его можно по тому, что с левой полы кафтана постоянно капает вода, а место, где бы он ни сел, после него оказывается мокро.

Человеку водяной чаще всего враждебен, очень любит всякие проказы.

...Один рыбак увидел однажды: посреди реки плывёт тело утопленника. Подрёб и втащил тело в лодку. Надо, дескать, похоронить бедолагу по-людски. Но утопленник, к его ужасу, вдруг ожил: сел в лодке напротив и захохотал прямо в глаза, да так дико. А потом вскочил и бросился в омут.

А то вздумает водяной оседлать крестьянского быка или корову, или лошадь где-то поблизости пасётся – за ночь обязательно уездит. Либо бедная

животина в болоте увязнет, либо он её в воде утопит. А потом сам и съест.

Иногда тянут рыбаки сети из воды, радуются, что тяжёлые, с богатым уловом, а там вместе с рыбой оказывается водяной, который рвёт сеть в клочья, ныряет в воду и выпускает всю пойманную рыбу.

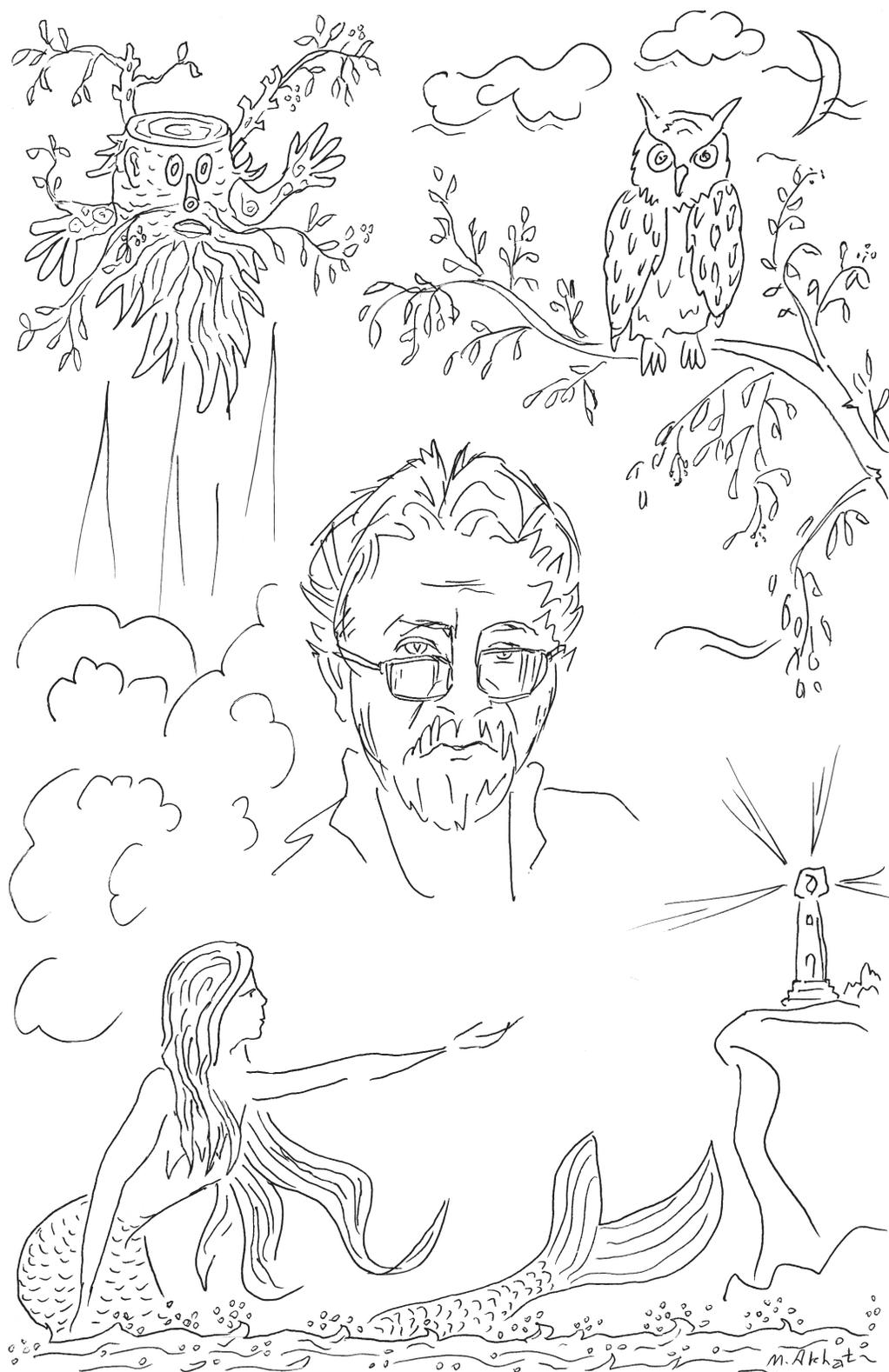
Очень любит водяной топить купающихся, особенно детей. Под берегом притаится – кочка и кочка, только волосы-водоросли по течению полощутся.

Но иногда при добром расположении духа, под настроение водяной может нагнать рыбаку полные сети рыбы. Может обеспечить пчеловоду хороший медосбор, потому что сам большой любитель мёду. Крутит мельницу, если мельник водит с ним дружбу и попросту не перечит. Поэтому нередко люди пытаются задобрить водяного жертвами: мельник бросает ему в пруд жареного гуся, пасечник жертвует мёдом или топит в реке пчелиный рой, крестьяне в складчину жертвуют водяному лошадь или быка.

Водяные почти всегда женаты и имеют детей, которые после смерти родителя сами становятся водяными. Их жёны известны у славян под разными названиями: водянихи, водяницы, моряны, дунавки, русалки. Женятся они на утопленницах и на несчастных девушках-сиротах или на девушках, проклятых родителями, а потом уводят их к себе в подводное царство.

Русалка

Учёные считают, что слово «русалка» пришло на Русь из Западной Европы, из греческого и латинского языков вместе с распространением христианства. Оттуда же были заимствованы народные игры и празднества, так называемые «русалии». В конце концов, слово «русалка», более широкое по смыслу, вытеснило ранее бытовавшие

народные названия: купалка, водяница, водяная, водяная шутовка, водяниха, чертовка, хитка, лешачиха, лобаста, лоскотуха.

Из этих народных названий видно, что на русалках женились лешие и водяные.

Христианская Русь считала, что русалки – это души некрещёных детей, утопленниц, удушенных и вообще женщин и девиц, лишивших себя жизни и непогребённых, либо тех, над которыми тяготеет родительское проклятие. Их называли ещё «заложными» покойниками. У малороссов детей, умерших неестественной смертью, выделяли в особый разряд и называли «мавками».

А вот мнения учёных на происхождение русалок:

«Когда славянские народы были язычниками и не знали ни крещения, ни христианского погребения, тогда всякая душа причислялась к русалкам – душам усопших».

«Весенние русалии (праздники, игры) – главным образом это поминальный обряд по усопшим. В языческую пору покойников хоронили на горах, в лесах, на распутьях, опускали под воду. Преобладающий ныне водный характер русалок можно объяснить позднейшим обособлением их типа».

«Русалки – это души умерших предков, и народный взгляд о принадлежности русалок к нечистой силе объясняется позднейшей перелицовкой в народном сознании образа русалок. В языческую пору между мёртвыми различий не делали в зависимости от обстоятельств смерти...»

Из этих высказываний разных учёных нетрудно сделать вывод: русалки живут не только в воде, они водятся в горах, в лесах и в полях. Как «заложные» покойницы русалки должны обитать на месте своей смерти. Утопленницы – в воде, удушенных часто хоронили в лесу, а также на границах полей. В лесах, в полях находят свою смерть заплутавшие, задавленные и загрызенные дикими зверями.

Например, такой рассказ:

«Пошёл плотник Гаврила в лес по орехи, да и заблудился. Не может найти дороги, а уж ночь на дворе. Вот и присел он под дерево. Задремал и слышит вдруг: кто-то его зовёт. Смотрит вокруг – никого. Он опять задремал – опять зовут. Он опять глядит, глядит: а перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовёт, а сама помирает со смеху. Месяц-то светил сильно, хорошо видать. Вот зовёт она его, и такая сама вся светленькая, беленькая сидит на ветке, словно плотичка какая или пескарь. Гаврила-то так и обмер, а она знай хохочет да его всё эдак рукой к себе зовёт. Уж Гаврила было и встал, послушался было русалки, да, зная, Господь его надоумил, положил-таки на себя крест. А уж как ему было трудно крест-то класть: рука просто как каменная, не ворочается. Как положил он крест, русалочка-то и смеяться перестала, да вдруг как заплачет. Плачет она, глаза волосами утирает, а волоса у неё зелёные, что твоя конопля. «Чего ты, лесное зелье, плачешь? – Гаврила спрашивает. «Не креститься бы тебе, человеку, жить бы со мной на веселии до конца дней. А плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился, да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней». Тут она пропала, а Гавриле тотчас и понятно стало, как ему из лесу выйти. А только вот с тех пор он невесёлый ходит. Она, русалка-то, должно, защекотать его хотела».

Русалки могут быть старые и молодые, безобразные и красавицы. У водяных русалок вместо ног нередко видят рыбий хвост, а тело до пояса покрыто чешуёй. В ночное время они выходят из воды и, сидя на камне или на вымостках, чешут гребнем волосы, поют или плачут. Иногда русалки выходят на берег в рощу толпой и устраивают там игры, бегают взапуски, водят хороводы.

По отношению к человеку они ведут себя агрессивно, могут затащить в воду или защекотать до смерти.

Чтобы избавиться от русалок во время нападения, нужно начертить на земле крест, который обвести кругом чертою. В этом кругу и встать, тогда русалки не подступятся, ходят вокруг черты и исчезнут...

Чтобы русалки не защекотали, крест надо надевать не только спереди на грудь, но и стороны спины...

Если русалки гонятся за тобой полем, то бежать от них надо не вдоль борозд, а поперёк и через межи, они через них перелезают с трудом, как через забор...

Русалки совершенно не выносят чесночного духа и сразу убегают. Очень боятся они укола булавкой, и если уколоть хотя бы одну, все с плачем бросаются в воду...

Пугают их ещё головешками и коcherгой. Однако человек, спасшийся от русалок, всё равно не остаётся безнаказанным. Иной приобретает привычку беспричинно и неудержимо хохотать, другой при ходьбе кривляется и дёргается, точно развинченный, третий теряет слух и т. д.

В советское время в средствах массовой информации, даже в таких недоверчивых, как «Наука и жизнь», стали появляться сенсационные материалы о русалках и водяных, вернее, о встречах с ними уже в наши дни. Вот интервью с женщиной-учёным М. Быковой, которая посвятила себя поискам «снежного человека», но неожиданно столкнулась с этой формой жизни:

– Что такое русалка? – спрашивает корреспондент.

– Русалки – это водная форма жизни человекоподобных. Это не рыбы, но и не разумные существа. Иногда они встречались людям на берегу, чаще – в воде.

– Как на берегу? А хвосты?

– Совершенно не обязательно. Очевидцы чаще говорят о ногах – как у человека. А в фольклоре приходилось встречать упоминание о лапах, хвосте.

– Ну а вообще, как русалки выглядят?

– Есть разные свидетельства: встречались русалки и с гладкой кожей, и покрытые волосами.

– А когда последний раз видели русалку?

– Последние достоверные свидетельства я отношу к 1973 году. Это вымирающий вид. Я думаю, что они уже не восстановимы. Водные формы, как правило, связаны с болотами, мелкими реками, а их становится всё меньше. Мелиорация, знаете ли...

– Где обитают русалки?

– Некоторые исследователи, вроде Карла Банзе, которого напечатала «Наука и жизнь», считают, что русалки обитают только в тёплых водах. Это не так. Они могут жить в любых водоёмах. Фольклорные источники показывают, что раньше русалки встречались лишь в средней полосе России, в печёрских и карельских лесах. В позднейших свидетельствах речь идёт о глухих северных местах.

– В сказках русалки выступают в женском обличье. А как они размножаются?

– Особей мужского пола мы называем «водяными».

Ведьма

М

Мужскую особь этого разряда нечистых в народе называют «ведьмак» или «ведун». Это слово является однокоренным с такими словами, как «ведать», «сведуший», «вещий», означает людей, обладающих даром предвидения, сверхъестественными знаниями, искусством исцелять болезни или же наводить порчу.

В письменных источниках и в народных преданиях ведьм и ведунов называют нередко колдунами, чародеями, чаровницами, кудесницами, вещими жёнками, волховницами, знахарями и знахарками. Они мало чем отличаются от обычных людей, разве что сзади

у них имеется маленький хвостик, который они тщательно скрывают от посторонних глаз.

Летом, особенно на Ивана Купало, ведьмы бродят по лесам и полям, собирают травы и копают корни, из которых потом варят чародейное зелье. С помощью этого зелья они вылечивают недуги и хвори, отыскивают закопанные в земле и под водой клады, усмиряют сердечную тоску, гнев, ревность, заговаривают неприятельское оружие, готовят отравные яды, гадают и предсказывают будущее, наводят порчу (ладят), творят всякую другую «волшбу».

В языческие времена ведьмам приписывались очень большие возможности. Они повелевали стихиями: могли вызвать грозовые тучи, поднять бурные вихри, ударить градом. Ведьма могла украсть с неба звёзды, месяц, солнце и проглотить. Могла запрятать в печной горшок дожди и тем самым вызвать засуху. Их колдовские чары влияли на урожай. Наконец, ведьма могла обернуться свиньёй, лошадью, собакой, кошкой... кем угодно.

Со временем ведьмы несколько измельчали, из злых, могучих духов они превратились или во вредную бабку, живущую по соседству, или в злую свекровь, в мачеху, в прохожего старичка. Например:

«Жила в деревне бабка, полный огород подсолнухов у неё. И никто из ребят подсолнухи эти не крал. У других воруют, а у неё нет. Боялись её сильно. Один раз парни с девками гуляли мимо и забрались потехи ради. Ходят, едят семечки, смеются. Потом надо домой идти, а никто своей избы найти не может. Бегают по деревне, аукаются, а домой попасть не могут. Так до рассвета и проплутали. Утром, измученные, пришли к этой бабке с повинной.

– Вот так, – она говорит, – по чужим огородам лазить.

Заставила прощения просить. Да с тем и проводила».

По народным преданиям, ведуны и ведьмы, оседлав метлу или ухват

и намазавшись волшебным зельем, вылетают из избы в печную трубу и отправляются по своим нечистым делам: творить порчи и гулять с другой нечистью на Лысой горе. В языческие времена Лысой горой считался небесный купол, а раскаты грома, стук, топот, треск, завывания бури и всякое погодное беснование приписывалось гульбицам собравшихся на Лысой горе нечистых. Позднее эти первоначальные представления были утрачены. Лысой горой стали называть любую подходящую в ближней местности горку, на которую слеталась на шабаш окрестная нежить.

Умирая, ведуны и ведьмы испытывают страшные муки. Глаза выкатываются из орбит, лицо синее и опухает, из раззявленного рта выступает обильная пена, а язык вываливается наружу, огромный, как у лошади; всё тело трясётся, будто в телеге на ухабах. Но душа до тех пор не покидает тело, пока ведьма обманом или по уговору не передаст своё тайное знание другому человеку. Вот как рассказывается об этом в быличке:

«Почуяла одна ведьма, что пришла пора помирать, и призвала к себе соседку. Целый вечер они взаперти просидели, всё шептались чего-то. Потом соседка от неё ушла, а ночью следом за ней кошки перебежали. У ведьмы их всего две было, чёрные. А тут, люди видели, много-много через дорогу перебежало их. И ведьма эта в ту же ночь померла.

– Чё-то она ей передала. Черти ли они, кошки ли – все перешли».

Великороссы своих ведьм представляли себе в виде старых, иногда толстых, как кадушки, баб с растрёпанными, седыми космами, с длинными, заграбастыми руками и сизыми носами до самого подбородка. У малороссов наоборот – ведьмы большей частью были настоящие красотки с чёрными, крутыми бровями и румяным лицом. Они-то и сбивали добрые христианские души спанталыку, вводили во грех.

М Колдун

Мы уже знаем, что ведуны и ведьмы, колдуны и колдуньи относятся к одному разряду нечистых. Различие здесь можно проводить разве что по половому признаку, как между водяными и русалками.

В народных преданиях, особенно христианского периода, ведьмам и колдуньям отводится более значительная роль, чем колдунам, поскольку женщина изначально считалась вместилищем (сосудом) греховным. Летописец Нестор, автор «Повести временных лет», очень кратко и точно выразил современное ему отношение к женщине: «Искони бо бес жену прельсти...» Считалось поэтому, что жёны и девы гораздо искуснее в чародействе и сильнее мужского пола, то есть колдунов.

Язычники-славяне колдунами считали жрецов или волхвов, тех, кто приносил жертвы, «колдовал», то есть был посвящён в таинства, обладал сверхъестественной мудростью и знаниями.

Колдун – необходимое лицо на свадьбах, часто его приглашают в качестве дружки. Он оберегает молодую чету от порчи и сглаза, и наоборот – может напустить порчу, если его обидят и не пригласят. Во время свадебного поезда он может остановить коней или заставить их разбежаться, понести. Может перессорить гостей, затеять между ними драку, подвесить жениху килу, а у невесты скрыть половой орган.

За нанесённую обиду «колдун» портит животных, насылаёт мор на домашнюю скотину. Но он может собрать разбежавшееся стадо, а самую блудливую корову, которая не приходит домой, научит признавать свой двор и возвращаться с пастбища вместе со стадом.

Колдун лечит, заговаривает, шепчет, ворожит, даёт амулеты, ладанки (наузы, узлы, навязки), может извести

или наоборот напустить в дом клопов, тараканов, мышей, крыс, змей, лягушек и т. д.

Колдун умеет раздваиваться и мочит людям голову. Например:

«У нас два свата было. Вот один к другому в гости поехал. Приезжает. А сват только из бани пришёл, чай пьёт. Говорит гостю своему:

– Давай в баню.

Ну, тот пошёл мыться. Смотрит: а сват его в бане сидит, моется и молчит. Ну, ладно. Вымылся. Приходит из бани, а сват сидит дома за столом и чай пьёт. Схватил гость шапку с гвоздя – и за порог.

– Не буду больше ездить!

А этот нарочно так сделал, чтобы отучить свата по гостям шляться».

Как и ведьмы, колдуны умирают в страшных муках и после смерти попадают на казнь сатане. Как и ведьмы, они стараются передать кому-нибудь перед смертью своё тайное знание, а если не удастся, то требуют разобрать крышу или снять охлупень, чтобы душа могла выйти.

Очень любопытную быличку об искусстве северных колдунов (шаманов) приводит в своей книге В. Зиновьев:

«Ходили мужики раньше белковать. Неделями домой не наведывались. А там, куда ходили, ороконы жили в чумах. Вот один мужик сидит и переживает:

– У меня жена в положении. Сена домой не привёз. Как там, что?

А орокон говорит:

– Я сейчас, друга, узнаю. Скоро слетаю.

Интересно всем стало, как это он слетает? А он угли из огня берёт руками – и прямым в рот. Завертелся волчком, рухнул, как мёртвый: улетел орокон в духа. Потом сколько летал, прилетел. Говорит:

– Всё ладно у тебя. В избу не попал, закрыто. Девочка у окошка сидит. Корова отелилась, жена за коровой доглядывает, а телёночек в избе. Лошадь сытая, сена полны ясли набиты. А ниже

деревни речка у вас, дом там стоит. Мужик на пороге трубку курит.

Так всё и было, как ороchon сказал. Корова у мужика в тот день отелилась, он уж потом узнал, когда вернулся».

Способность души покидать тело и по желанию хозяина путешествовать не только в пространстве, но и во времени, совсем даже не выдумка. Такими способностями обладают многие шаманы первобытных африканских племён, при этом они способны брать с собой в полёты души своих соплеменников. Такого «колдуна» в конце прошлого века «открыли» в Москве. Корреспондент, побывавший у него в гостях в обыкновенной московской квартире, утверждает, что во время совместного полёта испытывал неопишное наслаждение, хотя поначалу его душа замирала от страха. Правда, московский колдун на это путешествие затратил очень много сил, его пульс едва прощупывался, а сам он был белый, как полотно.

Домовой

В языческие времена под «домовым» славяне понимали старшего в роду предка, праотца или «деда», который положил основание домашнему очагу. Хотя предок умер, но он не исчез бесследно, его дух присутствует среди живых, помогает им в житейских делах, радеет об имуществе, надзирает за хозяйством, за скотиной, предупреждает о пожаре. Ночью, если забрался вор, домовый толкает хозяина и будит. Хороший, тороватый домовый поможет мужику выгодно сбыть свой товар, а чужой купить задёшево, уберёжет ребёнка от порчи, а рожь от града, не пустит на двор нечистую силу.

«Я ещё девчонкой была, а это помню... Наповадилса к нам в стайку кто-то ходить да косичку лошади заплетать. Вот как-то отец пошёл в сарай – у лошади опять заплетены косички. Он про

себя говорит: «Наверно, домовой». Только сказал это, глянь: старичок сидит. Отец удивился.

– Сидишь? – спрашивает.

А тот сжался, малёхонький такой стал, тихонечко покряхтывает. А сам косу-то плетёт. Потом мать тоже частенько удивлялась: мол, уйдёт куда ненадолго, вернётся – а в избе всё прибрано, углы выметены, посуда чистая.

...Маленький такой старичок, седенький».

Собственно говоря, дед-домовой считался в крестьянском доме главным хозяином. Его так и называли «хозяин», «хозяинушка», а живой глава семьи был у него как бы за старшего.

В этом значении домовый весьма схож с богом межей Чуром, тот и другой своим происхождением обязаны культу домашнего очага и усопших предков. Правда, владения домового ограничивались пределами крестьянской усадьбы (изба с хозяйственными пристройками), а Чур исправно нёс охрану земельных наделов.

В христианскую пору из доброго духа-покровителя домовый мало-помалу превратился в нечистую и вредоносную силу, присутствие его хозяевам приходилось терпеть, всячески подлаживаться и угождать, чтобы не навлечь на себя беду.

«Срубил мужик избу, новую, на моху. А окна, двери ещё не навесил. Никуда домой не ходил, тут и спал всё лето. Вот в одну ночь, хлоп! Камень ему в окно прилетел. Хлоп – другой! Третий. По крыше кто-то затопался – изба ходуном ходит. А он, мужик-то, не из пугливых был. Выскочил наружу, обошёл. На крышу забрался... Никого нету!

Пришёл обратно, лёг. Только лёг, голос грубый такой из угла:

– Уходи отсель! Хуже будет, – стариковский голос.

Промаялся мужик всю ночь, с боку на бок проворочался. Только начнёт засыпать, кто-то как навалится на грудь и давай давить. А запах! Уж так воняет от него, хоть святых выноси! На сле-

дующую ночь мужик лёг спать и топор в изголовье сунул. Только задремал, опять этот, вонючий, навалился на него, давит... Схватил мужик топор и давай по сторонам махать, пока в косяк не всадил. Тогда остановился, глаза бешеные. А из угла слышит:

– Уматывайся. Хуже будет.

Пришлось бросить мужику избу, напрасная работа была. Потом вовсе изба сгорела. Не понравился чем-то мужик домовому».

Кикимора

Слово это состоит из двух корней: «кика» – в значении бабий головной убор, род повойника; «кикать» – кричать по-птичьи, «киканье» – птичий крик; и знакомый нам корень «мора» (мара) – злой дух, призрак. То есть само слова «кикимора» даёт нам довольно полное представление об образе этого существа: зловредная старушонка с резким птичьим голосом, в бабьем повойнике. В других местах её ещё называли «шишиморой».

У северных и восточных славян «кикимора» – это супружница домового. Живёт она большей частью в овинах, в голбцах, в подизбице, во хлеву, в курятнике, где садятся на насест куры. Зимой кикимора перебирается в избу и днём отсиживается за печкой в тепле, зато ночью выходит проказить. В отличие от домового, добрых дел за нею почти не водится, зато злых пакостей – не счесть.

Очень любит кикимора беспокоить хозяев. Тогда в доме, особенно по ночам, начинается «чудиться»: стучит, на-свистывает, скрипит половицами, будто кто-то ходит, а то вдруг заплачет, да так горько, слёзы наворачиваются. Или рассердится на что-то – начнёт посудой греметь, табуреты, стол сами собой выплясывают. Или всю ночь прядёт, веретенами постукивает.

Если кто-нибудь из хозяев проснётся и увидит кикимору за пряжей, значит быть в этом доме покойнику.

Любила кикимора пообщаться с деревенским людом. Вот как рассказывает об этом свидетельница из Ушумуна:

«Она от нас близко завелась, кикимора-то. У соседского мужика через дорогу, его Николаем звали. Вот мы, ребята, ходили туда слушать эту кикимору.

Забрались один раз на полати, смеемся, пихаем друг дружку. Боязно. Вдруг... раз! И матраса под нами как не бывало. Выдернула – и на пол его да так ловко. Ну, потом её спрашивают: «Сколько баб в доме?» Правильно, четыре раза отстукала. «А мужиков?» Мужиков трое, так и есть.

Потом дядя Вася, отцов свояк, чудной был:

– Но ты бы нам плясовую, что ли, сыграла?

Играет ведь! Стуком по половицам всю выплясывает. Нам, ребятам, это в диковину, как забава, а хозяевам жить совсем неведомо стало. За Кириком Захарычем посылали, он понимал в этом деле, спровадил кикимору».

По древним поверьям, кикиморы вырастают из «потерчат» – детей, проклятых в материнской утробе или родившихся неживыми. В виде детей они иногда показываются людям, хотя могут принимать облик свиньи, кошки, собаки, зайца.

«Я тогда маленькая была. Отчим с матерью на кровати спали, а я на полу – возле бочки постелено у меня. Вдруг пробудилась чего-то. Пробудилась, гляжу: из-за бочки девочка выглядывает!

– Тут кто, – спрашивает, – спит? Девочка или мальчик?

Я лежу, молчу. Она второй раз:

– Тут кто спит, девочка или мальчик?

Я молчу. В третий раз:

– Тут кто лежит, девочка или мальчик? Сейчас задавлю!

И раз на меня! Я – ни вздохнуть, ни охнуть. Никак. Крутилась-крутилась, вспомнила: надо кикимору по-матер-

ному обругать, тогда отстанет. Я уж догадалась, кто такая... Хочу сказать, а не могу. Язык не ворочается. Но сказала потом. Она и соскочила с меня да к подполью. Встала возле подполья и опять смотрит. Я давай мать будить, сама реву...

– Чё такое? – мать спрашивает.

– Вот девчонка какая-то меня давила!

– Где она?

Увидела её, соскочила да как заругается:

– Ах ты, такая-сякая-разэтакая! Ты зачем пришла?! Ну-ко, вон отсюда!

Её и след простыл».

Против кикиморы, кроме бранных слов, помогает камень с естественным отверстием посредине – «куриный бог». Этот камень привязывают на кол посреди двора как охранительный амулет.

Банник

Ещё один нечистый дух, которого, условно говоря, можно отнести к числу домашних (вместе с домовым и кикиморой). Место его обитания – баня, отсюда и прозвище – банник.

В старые времена, а в деревнях и поныне баня считалась местом нечистым, служащим человеку для омовения. Строилась она обычно на отшибе у воды, где тоже водились свои нечистые. Очень многое зависело от того, где срублена баня. Если место хорошее, удачно выбрано, то банник хозяину лишний раз не докучает. В противном случае – беды было не избежать.

«Вот построили в соседях баню, а в это время заболела у них дочка. Неделя прошла, другая, а ей всё хуже и хуже делается.

Однажды остановился у них на ночь старик проезжий. Отец ему тоже пожаловался: отчего, мол, дочка болеет? Никак в толк не возьму. Поглядел старик на болящую и говорит отцу:

– Как полночь настанет, ты на кладбище ступай. Накрой стол белой скатертью, а на стол поставь бутылку водки и стакан. Жди тогда.

Отец так и сделал. Накрыл в полночь стол на кладбище, а сам в стороне сел. Вдруг слышит: кто-то водку наливает, стаканом звякнул. Оглянулся – вокруг никого. А бутылка пустая стоит. Потом голос прямо над ухом говорит:

– Баня у тебя не на месте.

Послушался отец и стал разбирать баню. А как оклад разобрал, глянь: девчонка сама без помощи на крыльцо вышла, улыбається».

В языческие времена и домовый, и кикимора, и банник служили очень сильным воспитательным средством в семье. С их помощью детей весьма доходчиво, без понуждения приучали к соблюдению морально-этических норм, принятых в крестьянском быту.

Если надумает мальчонка какую-нибудь животину мучить, ему не избежать неприятного разговора с домовым. Придёт ночью и душить станет. А то и руки-ноги ему оборвёт.

Не лазь, пострел, по огородам, не то кикиморе попадешься. Тогда несдобровать.

В овине с огнём не дури, а не то овинник тебе все рёбра переломает. Под овинником крестьяне понимали всё тех же кикимору и домового.

В бане моешься, воду на пол попусту не плещи, не балуйся. А особенно не торопись. Не то банник с тебя кожу живьём сдерёт и на каменку сушить повесит.

Христианизация Руси окончательно превратила этих домашних духов в зловредную нежить, которая без причины пакостит людям, и плохим, и хорошим.

«Это с моей подругой дело было... Говорили старики ей, что одной напоследок мыться в бане нельзя. А она то ли забыла, то ли не поверила. В девках ещё ходила.

Пришла, значит, в баню, голову намылила. Потом за водой-то нагнулась,

глядь: а под лавкой старичок маленький сидит! Голова большая, борода зелёная, а глаза горят угольями. Хватъ за ногу её, так лоскут кожи и снял. Она как закричит по-дурному и выскочила!

Нашли её в сугробе, в крови. Еле откачали».

Когда наступали святки, девушки гадали на суженого. Одно из таких гаданий состояло в том, что в полночь гадающая девица, замирая от страха, в одиночку пробиралась по сугробам к бане. Затем, открыв дверь, поворачивалась к ней задом и подымала подол. Если банник погладит её по заду голой ладошкой, значит, жених будет небогатым. Если прикоснётся мохнатым, мягким, то быть девке за женихом из богатой семьи.

Покойник

Существует довольно много поверий о так называемых «заложных» покойниках. К ним относят умерших ведьм и колдунов, которые продали, «заложили» душу чёрту и не отработали положенного; людей, умерших неестественной смертью, а также не отпетых в церкви и не помянутых покойников.

По народным представлениям, «заложные» мертвецы встают по ночам из могил, потому что земля их не принимает. Они всячески вредят людям, стараются отомстить или ищут способ освободиться от своего греха. Мертвец может являться в прежнюю семью, если родственники долго и безушешно по нему убиваются, может увлечь кого-нибудь за собой в могилу. Нередко мертвец бродит вокруг места своей гибели и пугает, даже преследует проезжающих людей. Умерший жених ночью на тройке лошадей является за бывшей невестой и увозит её на кладбище, затаскивает в могилу. После покойника в доме «чудится», то есть

слышны шаги, скрипы, шорох; сапоги сами собой ходят по избе; показывается окровавленная рука или нога; со спящего посреди ночи кто-то сдёргивает одеяло.

Подобных историй существовало великое множество, а в деревнях они живы до сих пор. Вот быличка, записанная В. Зиновьевым в Восточной Сибири:

«Муж у меня умер. Один раз ночью слышу сквозь сон: динь-динь, динь-динь. Колокольчики называют, ровно кто на лошадях едет. Гляжу: муж мой входит. В синей рубашечке, в сапогах — ну, как ходил. На сундук рядом сел, а я дрожу, лежу. Спрашивает:

— Ты замёрзла?

— Нет, — говорю.

— Ты боишься?

— Нет.

— Сена привезли?

— Привезли.

— Дети спят?

— Как видишь. Разбудить?

— Нет, не надо.

Так и разговаривали. А тут петух закукарекал — он бросился бежать! Только сапоги застучали. Я вскочила вслед — дверь закрыть, а дверь как была — на крючке. Тут дочка Валентина проснулась, сердится.

— Что это вы, маменька, стучать вздумали? Сапоги какие-то надели, ходите, топаете тут.

— Ничего, — говорю, — доченька, спи. Спи, милая.

А сама наутро к бабке Солдихе пошла. Рассказала ей всё, та и говорит:

— А ты крестики наставь везде мелом.

С тех пор спокойно стало. Не приходил больше».

Несложно заметить, что все эти суеверия носят уже христианский характер. «Заложные» покойники пытаются замаливать свои грехи, забираясь в церкви, требуют отпевания и поминовения по православному обычаю. Защищаются от них тоже с помощью церковных обрядов: служат молебны, кадят, кропят,

ставят свечи за упокой, рисуют на косяках, на крыльце крестики и т. п.

Но часто употребляют самый верный из способов защиты – вгоняют в могилу такого мертвеца осиновый кол. Способ этот явно языческого происхождения. Как, вероятно, и сами встающие из могил покойники.

Дело в том, что в языческие времена у славян существовал культ усопших предков. Предки (деды) заложили в своё время основы имущественного благополучия рода, обустроили и обиходили землю, развели скот, своим незримым присутствием среди живущих потомков они помогали им вести хозяйство, помогали в общественных делах. Но, кроме своих мертвецов, существовали чужие – вредящие мертвецы, носители зла, или «упыри».

Первый этап славянского язычества, зафиксированный письменными источниками («Слово об идолах» игумена Даниила) – это период культа «упырей и берегинь», существовавший ещё до Рода и рожениц. Относительно упырей вопрос более-менее ясен. В славянском фольклоре они хорошо представлены – исчадия и олицетворение зла, вампиры, сосущие человеческую кровь, поедающие мертвечину. А вот с берегинями разобраться оказалось сложнее. Вначале учёные отнесли их к вилам-русалкам, но не к тем коварным и зловредным из христианского фольклора, а взятым из языческих представлений. Затем берегинями сделали птиц с женской головой, птиц-сирен.

Но, надо полагать, и то и другое не вполне верно. Упыри – это чужие мертвецы, зловредные, а берегини – свои предки, «деды», оберегающие свой род и потомков. Впоследствии, когда Русь стала христианской, языческие упыри превратились в «заложных» покойников, встающих из могил и вредоносных.

«У нас в Борщёвке старик один рассказывал. Невестка умерла у него во время родов. А девчонку оставила. Они как раз под кладбищем жили. Вот покой-

ница летать по ночам повадилась, дочь кормить. Вначале не понимали: вроде как девчонка грудь сосёт, причмокивает. А потом увидели – летит покойница с кладбища, только саван раздувается. Но девчонке это кормление не впрок пошло. Начала худеть, худеть... да и померла».

Змей

Очень популярный сказочный персонаж с весьма непростой «биографией».

Известный исследователь русского фольклора А. Н. Афанасьев, ссылаясь на многочисленные летописные источники, на пословицы и поговорки, бывальщины, делает вывод, что народная фантазия в образе небесного огненного (огнедышащего) змея олицетворила такие небесные явления, как падающие звёзды, хвостатые кометы, змеевидные и ветвящиеся, многоголовые молнии, и даже сами грозовые тучи, бьющие в землю разрядами молний и сжигающие, испепеляющие то место, куда молния упала.

Так появился на свет «лютый зверь» Горынчище, Змей Горыныч (от слова «гора»), великан Тугарин Змеёвич, просто Змей – о трёх, шести, девяти и двенадцати головах – хорошо известные каждому из русских волшебных сказок и былин.

Со временем в одинаковых сюжетах, например, о похищении красавиц, до которых Змей большой охотник, его начали «путать» с Кощеем Бессмертным. Ещё позднее Змей сделался чёртом, нечистой силой, и по общему закону российских мифов языческие представления о нём мало-помалу превратились в суеверные рассказы и приметы о нечистой силе, об обыкновенных змеях, о бабах, к которым этот нечистый (то ли змей, то ли чёрт, то ли покойник) ходит по ночам и прельщает.

Позднейшие истории о змее представляют его в виде летающей головешки. Обычно случается это в вечернее время и ночью. Вдруг видят люди: летит над крышами такая головешка, угольями светится, а за ней хвост дыма. Потом зависнет над чьей-то избой и враз рассыплется искрами, будто в трубу провалилась. Как правило, в такой избе живёт одинокая баба-солдатка или вдова, но нередко любовницей змея оказывается замужняя женщина. Благодаря связи со змеем, то есть с нечистой силой, любовница сама становится ведьмой. Но часто связь с ним заканчивается для женщины трагически.

«К нам змей тоже летал в деревню... Ой, мама... мы все как напугались тогда, присели. Искры-то от него так и сыплются в разные стороны. А он, как коромысло, летит, выгибается. Потом где-то пропал.

Все говорили, что он к Лидке. Как раз мать умерла у неё, она одна осталась. И все говорили – к ней. Лидка

потом сама рассказывала намёками, правда, летал, мол. И люди сколько раз его видели. Он же наказывает: «Не говори никому, не велю!»

Вся нечистая сила, змей в том числе, любят «оборачиваться» и принимать чужой облик, например: законного мужа, волка, свиньи, зайца, дерева, птицы, клубка пряжи и др. В народе их так и называли – «оборотни». Но в оборотня нечистая сила могла также превратить обычного человека, прикоснувшись к нему волшебным прутиком или обвязав заговорённым поясом. Вспомните принца-чудище из «Аленького цветочка» С. Аксакова.

Даром превращения, оборотничества обладали небесные, земные и морские боги, многие герои волшебных сказок, былинные богатыри и даже животные, вроде серого волка, поскольку все они в далёком языческом прошлом сами являлись олицетворениями природных стихий и своеобразно осмысленных древним человеком социальных явлений.

